

КОНСЕРВАТОРИЯ

Газета для тех,
кто любит учиться

Газета Санкт-Петербургской консерватории
имени Н. А. Римского-Корсакова
Издается с 1939 года

№ 1 2011
ЯНВАРЬ/ФЕВРАЛЬ

«Все течет, все меняется» — этот афоризм, приписываемый Гераклиту, подходит для описания многих явлений жизни, но в случае с зимней протечкой в консерватории, наделавшей так много шума в СМИ, он оказался единственно возможным для объяснения произошедшего. Поначалу в этом номере газеты задумывался только материал со знаком плюс о новых поступлениях в фонды консерваторской библиотеки. Но все потекло и изменилось — и вот уже рядом с «белой» полосой появилась черная, и мы публикуем краткую хронику потопа в библиотеке, рассказанную ее директором Еленой Некрасовой. Но не стоит отчаиваться, потому что по закону логики за черной полосой снова должна возникнуть белая.

НОВОСТИ

ЮБИЛЕЙ ЗИВАР ГУСЕЙНОВОЙ

25 февраля отметила юбилей проректор по научной работе консерватории, заведующая кафедрой истории русской музыки, профессор Зивар Махмудовна Гусейнова, известный специалист в области древнерусской и классической русской музыки.

К 70-ЛЕТИЮ ИОСИФА БРОДСКОГО

20 декабря 2010 года на сцене Малого зала консерватории состоялся литературно-музыкальный вечер «В Рождество все немного волхвы», посвященный 70-летию Иосифа Бродского. В вечере приняли участие Сергей Стадлер, Сергей Слонимский, Яков Гордин, Евгений Рейн, Юрий Томошевский, Алексей Людеви, Надежда Хаджева. Музыкальную концепцию вечера разработали Виктор Высоцкий и Ирина Шарапова.

ЦИКЛ ВСТРЕЧ С ЛЕОНИДОМ ГАККЕЛЕМ

27 января профессор консерватории, заслуженный деятель искусств России, академик Российской академии гуманитарных наук Леонид Гаккель отметил свое 75-летие. Событием для педагогов и студентов стал цикл встреч профессора под названием «Откуда мы? Куда идем?» в Малом зале консерватории. Следующая встреча под названием «Память освобождающая» состоится 15 марта

СОТРУДНИЧЕСТВО С ВЫСШИМИ ШКОЛАМИ МУЗЫКИ

В январе-феврале Петербургская консерватория подписала соглашения о сотрудничестве с Высшими школами музыки Вюрцбурга (Германия), которая известна как одна из лучших школ старинной музыки, и Граца (Австрия).

ЮБИЛЕЙНЫЙ ВЕЧЕР ЛЮДМИЛЫ КОВНАЦКОЙ

5 февраля в Малом зале филармонии прошел юбилейный вечер профессора кафедры истории зарубежной музыки консерватории, заслуженного деятеля искусств РФ Людмилы Ковнацкой. Программа вечера состояла из поздравлений российских и зарубежных коллег и друзей и большого концерта, в котором прозвучала музыка любимых композиторов юбиляра — Шостаковича, Стравинского, Малера, Шенберга, Бриттена, Десятникова.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СТУДЕНЧЕСКИЙ ФОРУМ

16-17 февраля в Риме делегация консерватории во главе с ректором, Народным артистом России Сергеем Стадлером приняла участие в Международном студенческом форуме. На открытии форума выступили студенты консерватории, лауреаты международных конкурсов Денис Гончар, Максим Гончар, Владимир Погорецкий, Ассель Байназарова. 17 февраля в Римской консерватории Санта Чечилия прошел мастер-класс Ирины Богачевой, в котором принял участие Борис Пинхасович, ее ученик, лауреат международных конкурсов. На закрытии форума Сергей Стадлер продирижировал оркестром, состоящим из студентов Санкт-Петербургской и Римской консерваторий.

ЗАКРЫТИЕ «ГОДА ШОПЕНА-2010»

24 февраля в Малом зале консерватории в присутствии чрезвычайного и полномочного посла Республики Польша Войцеха Зайончковского состоялось закрытие «Года Шопена-2010» в Санкт-Петербурге.

Программу из музыки Шопена представил в сольном концерте выдающийся польский пианист Януш Олейничак, самый молодой лауреат VIII Международного фортепианного конкурса им. Шопена в Варшаве (1970), сыгравший роль композитора в фильме «Прощальное послание» режиссера Анджея Жулавского.

В тот же вечер прошла презентация двуязычной антологии «Фридерик Шопен глазами россиян» Гжегожа Вишневого, включающей в себя несколько десятков эссе, очерков и высказываний российских музыкантов, деятелей культуры и искусства о великом польском композиторе.

СЕРГЕЙ СТАДЛЕР

о наболевшем3

АННА НЕТРЕБКО

дипломный концерт.....5

ЛЕОНИД ГАККЕЛЬ

и его культурные коды.....4

БОРИС ТИЩЕНКО

памяти композитора.....7

ХРОНИКИ ПОТОПА

Урон, нанесенный январской протечкой фондам библиотеки, к счастью, оказался не столь ужасающим.

Первый тревожный сигнал от стихии поступил еще 13 декабря, когда случилась первая протечка в Читальном зале. Об этом знала вся хозяйственная служба, поскольку в Читальный зал после этого происшествия мной были вызваны и проректо-

ры, и руководители управлений. Там же были и электрики, которые немедленно приняли меры, поскольку проводка находилась близко к окнам и местам протечки. Издания, попавшие под первый дождь начали срочно сушить тепловыми пушками. Была эвакуирована та

часть фонда, которая могла бы попасть под воду. Стеллажи были закрыты, но читальный зал остался открытым, хотя по логике ситуация требовала его закрыть. Но протечка случилась в самый разгар сессии. И здесь можно только восторгаться героизмом и самоотверженностью сотрудников читального зала, которые вопреки обстоятельствам продолжали работу. В сыром полутемном помещении, часть которого была обесточена, с водой, капающей за шиворот, потому что литературу они доставали даже с тех стеллажей, которые были под пленкой, при полуоткрытом окне (фрамуга промокла и не закрывалась), с сосульками, висящими между фрамугами — в таких условиях наши сотрудники «сдавали» эту сессию.

В этом году зима была еще более снежной, чем в прошлом. Но, мне кажется, можно было быть к этому готовым. Снег на крыше консерватории надо было начинать убирать еще в ноябре, тогда урон был бы значительно меньше. Но зима, как всегда пришла совершенно неожиданно и совершенно неожиданно выпал снег. Если вспомнить прошлые годы, а я 36 лет здесь работаю и уже 26 лет руковожу библиотекой, то протечками назывались у нас пятна на потолке и намокшая штукатурка — тогда это для меня было кошмаром. В этом году ситуация не шла ни в какое сравнение с прошлым — вода текла с потолка сплошным потоком. Когда я начала бить тревогу в середине декабря, основные меры были предприняты лишь в 20-х числах января. Именно тогда ситуация практически вышла из-под контроля. Но самое смешное, что она была урегулирована в течение трех дней — протечки прекратились, по крайней мере, в районе библиотеки. Почему этого нельзя было сделать в декабре? Наша отечественная нерадивость и жизнь на авось должна послужить серьезным уроком нашим техническим службам и руководству консерватории, которые должны ловить мышей вовремя, а не ждать, пока мыши загрызут котлов.

К огромному счастью, невосполнимых потерь у нас нет. Есть 30 изданий, которые потребовали срочных реставрационных и консервационных мер. К сожалению, это редкие и очень ценные, относящиеся к концу XIX — началу XX вв. издания — ежегодники Императорских театров и конвалюты, то есть сплетенные вместе журналы дореволюционной периодики. Невосполнимой потерей оказались лишь корешки из натуральной кожи, поврежденные ржавой водой, которые восстановить невозможно. Ржавая вода, разумеется, попала на бумагу, которой больше 100 лет, вызвав оживление бактерий, расцвела плесень, грибок. Наши специалисты из реставрационной мастерской Академии наук,

с которыми мы сотрудничаем уже много лет, провели специальную микологическую экспертизу, взяли пробы со страниц и корешков этих изданий. К сожалению, все пробы оказались положительными. Поэтому книги нужно срочно подвергать обработке, очистке, консервации, реставрации. Это очень долгий процесс — одна книга может находиться в работе до полугода а иногда и больше. потому что снимается кислотный слой, уничтожаются мицелий, споры грибов, которые есть на бумаге, многократно обрабатывается целлюлоза, проводятся мероприятия по сохранению шрифта, в зависимости от того, какой краской он напечатан в типографии. Чем позже выпуск изданий, тем дела обстоят хуже, потому что издания выпускались на плохой бумаге, в которую быстро проходит грибок. А вот хорошая мелованная бумага XIX века показывает, что качества никто не отменял. Но наши коллеги из реставрационной мастерской заверили, что все восстановят. Сейчас в наших помещениях работают кондиционеры, которые без повышения температуры воздуха проводят обеззараживание атмосферы, всасывая воздух со спорами грибов, возвращая его очищенным. Скоро начнется весна и оттепель. Мы держим руку на пульсе, но все под Богом ходим.

Елена НЕКРАСОВА, директор Научной музыкальной библиотеки Петербургской консерватории

Прежде всего, нужно сказать о докомплектации Полных собраний сочинений И.-С. Баха и В.-А. Моцарта издательства Bärenreiter. Библиотека Петербургской консерватории стала счастливой обладательницей всех томов из этих собраний. Подробнейший справочный аппарат — критические статьи, комментарии, примечания — позволит музыковедам вести полноценную научную работу. Что до трудностей получения этого ценного груза — все прошло спокойно, в штатном режиме. Bärenreiter продолжает нас радовать и клавирами опер Генделя — в 2010 году были получены «Родриго», «Ариодант», «Роделинда», «Орест». Поступили также произведения Рамо «Ипполит и Арисия» и «Платея». Уважаемое издательство не обош-

ло вниманием творчество Берлиоза — клавиры «Эрминии», «Клеопатры», «Лелио», «Смерти Орфея» заняли достойное место на полках библиотеки.

Русское Музыкальное Издательство сделало роскошный подарок — факсимильные издания опер Моцарта «Идоменей», «Милосердие Тита», «Так поступают все», «Похищение из сераля», «Дон Жуан», «Свадьба Фигаро», «Волшебная флейта». С некоторым сожалением стоит заметить, что все эти произведения на дом не выдаются. Зато Собрания сочинений Д. Шостаковича и А. Шнитке находятся в свободном доступе. Последнее начало выпускаться не так давно, и в наличии уже имеются тома из серий «Камерные сочинения» и «Сочинения для клавишных». Вероятно, читателей интересуют также сборники

скрипичной и флейтовой барочной музыки мюнхенского издательства Henle, куда вошли произведения итальянских, немецких и французских композиторов. Венгерское издательство Köpmanн выпустило уртексты фортепианных сочинений М. Балакирева, М. Глинки, А. Лядова, М. Мусоргского, А. Скрябина.

Пополнился список сочинений Б. Бриттена, имевшихся в фонде, — теперь библиотека располагает клавирами опер-притч «Река Кёрлю», «Пещное действо» и «Блудный сын». Кроме того, английская музыка XX века представлена операми «Хью-гуртовщик» Р. Воан-Уильямса и «Царь Приам» М. Типпетта. Имя современного американского композитора Андреа Кларифилд (род. 1960) малоизвестно у нас, но с ее вокальными и инструментальными сочинениями теперь можно будет оз-

накомиться в библиотеке. Впервые поступил сборник произведений для терменвокса и сопровождающих инструментов, составленный А. Ровнером и вышедший в московском издательстве «Композитор». Инструмент загадочный, однако, нельзя заранее предсказать, что понадобится читателям в будущем...

Помимо этих, наиболее значимых обновлений, фонд нотных изданий пополнился произведениями, изучаемыми в рамках консерваторской программы. Сотрудники фонда надеются, что этот небольшой обзор заинтересует читателей, а библиотекари всегда готовы прийти на помощь в поиске нужной информации в недрах бездонного каталога...

Ирина СИДОРЕНКО, зав. сектором Научной музыкальной библиотеки Петербургской консерватории

С НОВЫМ БАХОМ!

«В каталоге Нотного отдела библиотеки Консерватории ничего нельзя найти», — таково мнение многих наших читателей. Вопрос спорный, но речь не об этом, а о наиболее интересных изданиях, поступивших в фонд в 2010 году. Это тем более важно, что ввиду тесноты, от которой страдает вся Консерватория, нет возможности организовать выставку новых поступлений.

РАЗГОВОР БЕЗ КОМПРОМИССОВ

Эта беседа с ректором Петербургской консерватории Сергеем Стадлером проходила в тональности «не могу молчать» и была вызвана его желанием развеять слухи, мифы или, напротив, подтвердить чьи-то предположения, возникшие вокруг ситуации с крышей, ремонтом, финансами, юбилеем консерватории во избежание разрастающегося непонимания и недоумения со стороны общественности.

• *Сергей Валентинович, события последних месяцев резко подогрели интерес общественности к консерватории, но, к сожалению, не в ее пользу, хотя перед юбилейным годом важнее было бы собирать приятные новости. В такие моменты в мутной воде особенно легко распространяются слухи, возвращается смута и нездоровая атмосфера. Давайте попробуем разобраться с теми слухами, которые взвились вокруг ситуации.*

Во-первых, зло оно виднее: сплетни распространяются с большим удовольствием, чем хорошие новости.

Вот вам пример. Совсем недавно в консерватории состоялось закрытие «Года Шопена-2010» в присутствии представителей дипломатического корпуса, высоких гостей с польской стороны — представители СМИ полностью проигнорировали это событие. Зато протечка, лопнувшая труба — вот это настоящие «музыкальные» новости.

Я в последнее время очень много общаюсь на разных уровнях — от крупных чиновников до журналистов и мне все чаще кажется, будто я не ректор консерватории, а руководитель строительного треста или финансовой корпорации. Никто из них ни слова не говорит о музыке, не интересуется тем, как у нас проходит учебный процесс, в котором нет никаких сбоев, тем, что у нас был прекрасный выпуск и прием, что многие студенты получили награды на международных конкурсах. Все это остается за кадром и с определенного момента перестает всех интересовать.

• *Вы видите в этом какую-то сознательно проводимую кампанию?*

Посудите сами. Ситуация со сменой ректоров здесь разворачивается уже в четвертый раз по приблизительно одинаковому сценарию, когда выкрадываются финансовые документы, находятся какие-то нарушения, приходят правоохранительные органы, организуется скандал в прессе, раскачивается ученый совет, профессура, общественное мнение — и ректор вынужден покинуть свой пост. Я — четвертая серия. До меня в похожих ситуациях оказывались друг за другом, с небольшим промежутком Владислав Чернушенко, Сергей Ролдугин, Александр Чайковский.

Возникает подозрение, что люди, которые этим занимаются, одни и те же. А дело это нешуточное — это вопрос государственной безопасности. Санкт-Петербургская консерватория — единственная в мире. Никакой Лейденский университет, никакой Кембридж никогда бы не дали в обиду, и давным-давно заинтересовались бы, почему так «мочат» наш любимый Кембридж? Почему там все время финансовые скандалы, почему там все время юлит желтая пресса и все время раздевают ректора? А у нас это все будто бы демократия.

• *Вероятно, у одних и тех же людей одни и те же интересы?*

Безусловно. И мне кажется, что интересы этих сил заключаются в финансировании ремонта консерватории, но этот интерес мог бы пропасть, если бы переписали один документ.

Согласно постановлению 2009 года, заказчиком капитального ремонта является Петербургская консерватория — так, веро-

ятно, было удобно людям, которые пришли сюда с несколько иными интересами, чем я. Но консерватория не должна быть заказчиком такой крупной стройки стоимостью 3,5 миллиарда. Для этого надо будет принять на работу огромный штат специалистов — человек 50, если не все 100, чтобы иметь своих сметчиков, экономистов, секретарей, прочих специалистов.

Я полагаю, что государство должно определить нам организацию, которой доверяет Министерство культуры и пусть она ведет строительство. Мы при этом не будем в стороне — займемся логистикой, архитектурным решением, будем обсуждать удобное и красивое здание, примем эту работу, в конце концов, но мы не будем проводить тендер на каждый вид работ, заключать договоры, которые тут же окажутся где-нибудь в ОБЭПе Адмиралтейского района. Поэтому я прошу руководство страны пересмотреть постановление и определить заказчика на большой объем работ. Меня волнует, чтобы эта реконструкция, наконец, началась.

• *Что известно в настоящий момент о капитальном ремонте консерватории?*

Я написал множество писем министру культуры Александру Авдееву, вел переговоры с губернатором Валентиной Матвиенко, которая откликнулась на мою просьбу и написала в свою очередь ряд писем премьер-министру Владимиру Путину. Я говорил с Председателем нашего ЗАКСа Вадимом Тюльпановым, и собрание приняло постановление об обращении ЗАКСа к премьер-министру Владимиру Путину, чтобы юбилей консерватории как-то был отмечен, и реконструкция хотя бы началась. Свою инициативу проявили и двое почетных граждан нашего города — Ирина Богачева, профессор консерватории и маэстро Юрий Темирканов, который является нашим почетным профессором. На этой неделе я получил положительные ответы на мои обращения к Министру финансов А. В. Кудрину и представителю Президента по СЗФО И. И. Клебанову. И с тем, и с другим я провел личные переговоры.

• *Среди обсуждаемых событий — восстановление экс-проректора по экономике и финансам Сергея Смолянинова на должность, которая была упразднена после его увольнения. Почему у вас возник конфликт со Смоляниновым?*

Я бы не называл это конфликтом. После того, как летом по рекомендации коллегии Министерства культуры я провел внутренний аудит, в консерватории были обнаружены многочисленные финансовые нарушения. Выявилось огромное число разных контрактов, договоров до ста тысяч, что позволяло обходить 94-й закон по тендерам, был провален балетный контракт, бюджет постановки «Золушки» оказался невероятно завышенным — поначалу составлял три миллиона, а сейчас выясняется, что полная стоимость чуть ли не 15 миллионов, поскольку к нам до сих пор приходят за нее счета.

То, что выяснилось, для меня стало неприятной неожиданностью. Я утратил доверие к своему заместителю, и у меня не оставалось другого выбора, кроме как уволить проректора, который не справился со своей деятельностью. Он привел консерваторию

к большим финансовым проблемам. Кроме того, кадровая политика Сергея Викторовича вызывает большие сомнения: по его инициативе были уволены его же соратники: проректор по хозяйству Виктор Егоров, проректор по общим вопросам Зураб Байра, которого я считал ценным членом нашей команды. Смолянинов стал единолично отвечать за такие большие участки как финансовая, юридическая и хозяйственная деятельность.

В моральном смысле это увольнение было для меня трудным решением, поскольку я работал с Сергеем Викторовичем на протяжении двух лет и у нас, как мне казалось, было взаимопонимание. Сейчас я думаю, что принятие его на должность проректора было моей серьезной кадровой ошибкой. Он принял на работу с нарушениями по линии отдела кадров. Запись о приеме на работу в консерваторию стала первой записью в его трудовой книжке. В своем «Личном деле» в графе «Специальность» он указал «Доктор экономических наук», а в Трудовой книжке написал профессию — «Проректор». Графы о том, какое учебное заведение закончил, где работал до консерватории, заполнены не были. Его квалификация вызывает сильное сомнение, поскольку согласно должностной инструкции он был обязан проработать не менее пяти лет на руководящей должности, прежде чем занять такую крупную должность как первый заместитель ректора по экономике и финансам. Насчет его докторской степени и легитимности его докторских корочек отправлен запрос в ВАК. На суде он говорил, что работа для консерватории для него была второстепенной, а главной деятельностью являлась его место профессора в ФИНЭКе, где будто бы преподает. Но оттуда мы получили официальную бумагу, где говорится, что он там уже не работает. После увольнения Смолянинова его должность упразднена, с 22 июля прошлого года я все документы подписываю сам. За эти два с половиной года я приобрел большой опыт, сформировался как руководитель такой сложной организации как консерватория. Сейчас здесь трудится опытная административная команда: хорошо работают специалисты в бухгалтерии, проректоры по направлениям.

• *В этой мутной воде расцвело прямо-таки средневековое доносительство.*

Да, происходит утечка служебной информации. Есть работники и в бухгалтерии, и в отделе кадров, и в канцелярии, и в хозяйстве, которые играют в шпионов, выносят договоры и другие документы, которые передают сторонним заинтересованным лицам, публикуют их. Например, плотник Дмитриев написал на меня доклад в ОБЭП Адмиралтейского района и отнес туда целый пакет документов — контракт со всеми приложениями, актами. Для того чтобы прекратить этот позор, я должен уволить человека тридцать, которые заигрывают в шпионов, которые не понимают, где работают и за что им платят зарплату. Я проявляю жалость, а надо, наверно, быть жестче. Но ведь это же консерватория, а не база ракет стратегического назначения, чтобы здесь обыскива-

ли при входе с миноискателями.

На Западе самое страшное преступление — против первого лица. Если ты работаешь на предприятии и совершаешь действия, которые вредят работодателю, тебя не простит ни один суд, и общество отвернется, и ты никогда не найдешь работу. Если кто-то не хочет работать в консерватории, достаточно просто написать заявление об увольнении по собственному желанию. Подлость отвратительна, потому что эти люди улыбаются в глаза, требуют премий, льгот, распространяя при этом подметные письма. Но они вредят не столько мне, сколько имиджу консерватории.

• *Как во всей этой ситуации, на ваш взгляд, держат себя студенты?*

Я рад, что студенческую среду все эти игры желтой прессы никак не затронули. Они вольны читать или не читать все то, что там написано, но их никто на митинги не таскал, письма писать не заставлял, я к ним за поддержкой не обращался.

• *Какие отношения сложились у вас с профессорско-преподавательским составом за эти годы?*

Полагаю, что у меня сложились хорошие рабочие отношения с профессорами, ведущими кафедрами, деканами. Нам удалось сформировать сильный Ученый Совет, который представляет собой настоящую элиту консерватории. Многие вошли в Ученый Совет по моей личной рекомендации, а я как ректор в соответствии с Уставом имею право на такие выдвижения. Я высоко ценю своих коллег, которые посвятили себя музыкальному образованию и сохраняют самое ценное, что у нас есть — исполнительские школы, традиции петербургского музыковедения. Я всегда открыт для общения, поддерживаю идеи, инициативы педагогов. Возможно, если бы на начальном этапе рядом со мной был бы не столь воинственный персонаж, а переговорщик, дипломат, мне бы удалось избежать острых конфликтов с некоторыми коллегами.

• *Если посмотреть на ситуацию со стороны, какие у вас ощущения от происходящего?*

Сейчас мое положение не самое приятное, потому что я воспринимаю происходящее как раскачивание лодки и травлю. Мне приходится жить по сценарию, навязанному мне тайными и явными оппонентами. Утешает лишь то, что многие достойные люди это пережили — и Ростропович, и Шостакович, и Прокофьев, даже Пушкин. И Антона Рубинштейна вытеснили из консерватории. И Александр Глазунов был вынужден уехать за границу. Я давно состоявшийся в профессии человек. У меня много сил, много планов, возможностей, идей. Я пришел сюда с благими намерениями — я выпускник этой консерватории, школы-десятилетки, честно шел путем музыканта, начав свою карьеру, еще будучи ребенком. Я не могу подвести свою консерваторию и свой любимый Петербург.

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ ЛЕОНИДА ГАККЕЛЯ

Фото: Полина Чернышова

В год своего 75-летия профессор Леонид Евгеньевич Гаккель открыл в Малом зале консерватории цикл лекций «Откуда мы? Куда идем?».

Двенадцать встреч, рассчитанных на два сезона, завершатся в год 150-летия консерватории. Каждая из них — не столько парадные исторические экскурсии в далекое и близкое прошлое первого российского музыкального ВУЗа и истории его знаменитых выпускников и профессоров, сколько попытка рассмотреть хорошо известные события, связанные с ним, в широком культурологическом, философском контексте с целью вызвать полемику у новых поколений.

ПАМЯТЬ ДАРУЮЩАЯ

Цикл моих лекций-встреч в Малом зале имени Глазунова «Откуда мы, куда идем?» назван по знаменитой картине Поля Гогена.

У каждой лекции (или встречи) есть название и сюжет, который я стараюсь расположить в широкой перспективе. К примеру, название второй лекции — «Большее пространство» — заимствовано из романа Марселя Пруста «Обретенное время»: там говорится, что людям следовало бы давать большее пространство, чем то, которое они получают при жизни.

Четвертая встреча будет называться «Память освобождающая» — по реплике Вячеслава Иванова из его бессмертного литературного диспута с Михаилом Гершензоном «Переписка из двух углов». Что ценнее: память или забвение? Гершензон полагал, что забвение «освобождает и живит», Иванов же был уверен, что «освобождает память», тогда как забвение «поработает и мертвит». Я предпочитаю занимать нейтральную позицию — и память, и забвение спасительны.

Что касается ближайшей (третьей) лекции, то речь там пойдет о людях, имена, которых у всех на устах: Римском-Корсакове, Лядове, Глазунове, о выдающихся мастерах петербургской школы на рубеже веков.

В пятой лекции мне хочется сказать о триаде «Подвиг, долг и учительство», выведенной академиком Б. В. Асафьевым. Я отнюдь не молюсь на него как на музыковедческую икону, но вышеприведенные слова считаю одним из подлинных взлетов его мысли. Если вы вспомните о жизненном пути великих музыкантов, то увидите «триаду» в действии.

Разве не подвиг — провести Консерваторию духовно почти невредимой через испытания двух революций и мировой войны, как это сделал Глазунов? А учительство? Это есть удел наших крупнейших мастеров, осознававших ответственность за себя и свое дарование. И Чайковский, и Шостакович в полной мере чувствовали эту ответственность, поэтому они учили, хотя порой это их немало тяготило (особенно первого) и, конечно, всегда отвлекало от композиторского труда.

ЖЕСТЫ СОГЛАСИЯ

Сегодняшний студент, на мой взгляд, лишен чувства независимости. Когда-то — даже в консерватории — поколенческая солидарность студентов основывалась на ощущении личной независимости и, как следствие, настороженном отношении ко многому, что они видели вокруг себя.

Сегодня этого нет, и Иосиф Бродский недаром заметил, что теперь все чаще говорят «я согласен» вместо «я верю». Такова основа молодежной идеологии — они «согласны». Они согласны друг с другом, но это не явля-

ется подлинной идеологией и, тем более, не является моралью.

Солидарность современной молодежи парадоксальным образом основана на чувстве герметичности. Как-то раз, общаясь со студентами, я заметил: «Посмотрите на себя со стороны — вы же абсолютно герметизировались: на ушах у вас наушники, на голове капюшон, на глазах — темные очки». Кто-то с места добавил: «Еще и жвачка во рту». То есть все каналы коммуникации заткнуты.

Действительно ли молодой человек герметичен, глядя на все через темные очки, прищипывая и жуя жвачку — я об этом не знаю и не буду рассуждать на эту тему. Хочу лишь добавить, что молодежь катастрофическим образом потеряла связь с миром Слова. И никоим образом нельзя считать, что музыкант может существовать вне этого мира.

По-видимому, настало время напомнить, что вся христианская культура, частью которой мы являемся, основана на Слове. Но, вероятно, найдутся и те, кто скажут, что это плохо и что языческий мир был более здоровым и перспективным.

Не я первый заметил, что молодежная среда сегодня подвержена африканизации — она ценит и любит мир физического импульса, где все проходит через жест, ритм, танец. Все труднее становится представить себе молодых людей в контакте с культурой Слова или попросту с книгой в руках. Такое ощущение, что для многих отпала надобность во второй сигнальной системе — их потребности удовлетворяет первая.

НАСТОЯЩЕЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Мне кажется, что сегодня старшее поколение консерваторских педагогов не может не чувствовать ностальгии, если брать это слово в двух его латинских составляющих: «nostas», что означает «возвращение», и «algos», что означает «боль»: боль от возвращения к прошлому. Это очень непростое ощущение, и хочется понять — продуктивно ли оно.

Ясно вижу, что сегодня, как и всегда, в консерватории есть ярко одаренные молодые люди и есть учителя, для которых многое означает явление культурной памяти. Благодаря такой памяти мы неизменно пребываем в мире высоких ценностей.

Но, какой бы ни была наша память, у современной Петербургской консерватории не лучший общественный имидж. Мне бы хотелось, чтобы ее грядущий юбилей был бы проведен без завышенных самооценок, без уличных постеров на тему «Великая российская консерватория».

Будем честно и спокойно работать, не поминая наше прошлое всуе, и тогда мы поможем Alma mater обречь и сохранить свое достоинство.

ДВОЙНОЙ ДЕБЮТ

Примечательный спектакль состоялся 6 февраля в Театре консерватории. Главные партии в балете «Золушка» впервые исполнили Наталья Башкирцева и Владислав Шумаков.

Двойной дебют интересен уже тем, что для заслуженной артистки, прима-балерины и с недавнего времени репетитора труппы Башкирцевой это было долгожданное возвращение на сцену после трехгодичного перерыва в связи с рождением дочери. А для начинающего солиста Шумакова, недавно завоевавшего звание лауреата (бронзовая медаль) на Международном балетном конкурсе Юрия Григоровича в Сочи, — это первая глав-

ная роль в театре Консерватории. Но разница в возрасте и профессиональном опыте сказывалась разве что в степени волнения.

Башкирцева исполнила роль Золушки с таким упоением и свободой, словно и не покидала на долгое время сцены. Ее добросердечная, неунывающая, открытая и к тому же прехорошенькая героиня просто обязана была найти свое счастье. И она его находила.

Принц с первого взгляда влюблялся в прелестную незнакомку. Решительный нрав героя угадывался уже при его появлении на сцене, на которую он не выходил, а вылетел из-за кулис. Шумаков зарядил этот полет, перекрашивший почти все пространство дворцового зала, такой взрывчатой энергией, что от его героя можно было ожидать многого. Ожиданий актер не обманул, легко преодолев технические каверзы сложной партии. В его танце была уверенная сила, чистота классической формы, элегантность манеры. Но демонстрацией танцевальных достоинств Шумаков не ограничился. Он оказался еще и умелым, отзывчивым партнером и, что особенно ценно, —

актером, чувствующим природу воплощаемого образа. Наделив своего Принца независимым характером, танцовщик открыл в нем и чуткую душу, способную поверить в чудо. Эта способность предопределила его счастливую встречу с Золушкой, помогла увидеть в незнакомке родственную душу... Потому и дуэт Башкирцевой с Шумаковым получился гармоничным, трогательным, поэтичным.

Нам остается поздравить труппу Консерватории с удачным двойным дебютом и с нетерпением ждать нового выхода на сцену вернувшейся в строй прима-балерины и многообещающего молодого солиста.

Ольга РОЗАНОВА

ДИПЛОМНЫЙ КОНЦЕРТ АННЫ НЕТРЕБКО

• *Анна, вы часто выступаете вместе с Эрвином?*

Мы вместе фактически не поем — наш оперный репертуар редко пересекается. Но познакомились мы с Эрвином в Ковент-Гардене на «Дон Жуане» Моцарта, где я пела Донну Анну, а он, разумеется, главного героя. Мы не стараемся сделать так, чтобы оказаться в одних спектаклях. Хотя это было бы, наверно, удобно, но в нашей профессии об удобстве речи быть не может.

• *Какой репертуар вы сегодня поете с особым удовольствием?*

У меня довольно широкий репертуар, я пою в операх итальянских и французских композиторов. Совсем недавно спела еще и Россини — записала партию сопрано в его кантате Stabat mater. При том, что я совсем не пою в операх Россини, но дирижер Антонио Паппано как-то сказал мне, что музыка этой кантаты написана будто специально для моего голоса. Запись состоялась в июле этого года в Риме, в Академии Санта Чечилия. От процесса записи, прекрасной музыки, работы с превосходными солистами, дирижером, оркестром и хором я как музыкант получила громадное удовольствие.

• *В вашем внушительном списке ролей появятся новые героини?*

Очень скоро я исполню Анну Болейн в одноименной опере Доницетти на премьере в Вене. Опера очень интересная, но нечасто исполняется ввиду того, что в мире не так много хороших исполнительниц на главные партии в ней. Через два-три года я надеюсь спеть Леонору в «Трубадуре» Верди, а через четыре года запланирована заглавная партия в опере «Манон Леско» Пуччини.

• *А в барочных операх, например, Генделя, так популярных сегодня в Европе вам не предлагали спеть?*

Да, когда-то мне предлагали барочный репертуар. Но я понимаю, что не смогу исполнить это на должном уровне. Я увереннее чувствую себя в другой музыке. Слушаю музыку барокко с удовольствием. Хотя музыка Генделя иногда кажется мне немного монотонной, мне становится скучновато.

• *За вами нет славы примадонны-скандалистки, но были ли случаи, когда вам приходилось не соглашаться с мнением дирижера?*

Да, случаи были. Причем я заметила, что чем гениальней дирижер, тем труднее бывает с ним согласиться. Все зависит от стиля произведения. Если это опера бельканто, то дирижеру стоит повнимательней прислушиваться к певцам. Если же речь заходит об операх более массивных, в них дирижеру необходимо все держать в своих руках, а певцам — подчиняться во всем и внимательно

Фото: Данил Рабовский

«**К**огда со мной заключают контракты, никто не спрашивает ни дипломов, ни трудовых книжек», — так еще несколько лет назад говорила выпускница Петербургской консерватории Анна Нетребко. Отныне мировой оперной звезде больше не придется оправдываться ни перед кем, что у нее нет диплома о высшем образовании, который она не могла получить из-за плотного графика своих выступлений, начавшегося уже в студенческие годы. В день ее единственного пока в России концерта с баритоном Эрвином Шроттом, который они дали в Театре Петербургской консерватории, ректор Сергей Стадлер вручил ей заветный диплом.

слушать маэстро. Но я в принципе не конфликтую с дирижерами — я их всегда слушаю. Иногда переступаю себя, убеждая, что дирижеру надо доверять, поскольку он видит все совершенно с другой стороны. Мы, певцы, нередко судим субъективно, а дирижер знает, как все должно звучать в целом.

• *Какие дирижеры изменили вашу точку зрения на музыку?*

Почти все дирижеры, с которыми я работала и продолжаю работать, в той или иной степени воспитывают меня тем или иным образом, я у них учусь, даже если я не согласна, но мне всегда интересно слушать их наставления. Мне очень запомнилось сотрудничество с Николаусом Арнонкурмом во время работы над оперой «Свадьба Фигаро» в Зальцбурге — он потрясающий, один из самых интересных дирижеров, с которыми я работала.

• *Вы записали довольно много CD и DVD. Какое значение вы придаете звукозаписывающей индустрии в развитии карьеры?*

Я счастлива, что у меня есть возможность записывать новые альбомы. Мне нравится записывать новые произведения или по-новому открывать слушателям музыку хорошо известных авторов, а на Западе — популяризировать сочинения русских композиторов.

• *Читаете ли вы критику на свои выступления?*

Я, как правило, не покупаю газет. Обычно мне звонят мои менеджеры и говорят, что вышла замечательная критика — тогда я прошу, чтобы мне ее зачитали. Плохую критику читать не люблю. К тому же я, если честно, и сама обычно знаю, как выступила. Иногда откроешь какую-нибудь газету, прочтешь что-нибудь и думаешь, что лучше бы не открывала — профессию, может быть, сменить? Я люблю, когда критика конструктивная, когда пишут объективно — и о том, что было хорошего, и о том, чего не хватило, что можно улучшить — такое я понимаю и принимаю, мне это, по крайней мере, интересно.

Но встречается и критика каких-то попросту злых людей, которые пишут статьи то ли в момент плохого настроения, то ли когда жизнь не удалась. А это не совсем правильно.

• *Какое у вас было самое сильное музыкальное впечатление в последнее время?*

Вагнер! Практически везде, где мне доводится слушать его музыку, она меня потрясает.

• *Где вы чувствуете себя по-настоящему как дома?*

Краснодар — мой родной город, Петербург — один из самых красивых городов в мире и он мне очень дорог. Ну, а Вена и Нью-Йорк — это два прекрасных и абсолютно разных города. Если степенную Вену можно назвать музыкальной столицей мира, то Нью-Йорк заряжает и налагивает своим темпом жизни, но и в одном, и в другом городе я чувствую себя абсолютно комфортно. У каждого из них своя аура, которая мгновенно окутывает меня, как только я делаю первый шаг с трапа самолета.

ДНИ АНГЛИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Незабываемое лето в Великобритании ждет победителей конкурса рисунков, эссе и фотографий «Моя Британия», устраиваемого Benedict School, финал которого состоится в первые дни весны в рамках проекта «Дни Англии».

Уже второй год в Санкт-Петербурге по инициативе международной школы иностранных языков Benedict School проходят «Дни Англии» — тематические встречи, конкурсы и праздничные события, посвященные английскому языку и Великобритании. В 2011 году в рамках данного проекта «Бенедикт-школа» приглашает школьников 7-18 лет к участию в тематическом конкурсе «Моя Британия». Желающим участвовать в конкурсе необходимо написать эссе на английском языке (для учащихся 11-18 лет), прислать фото образов Великобритании (для учащихся

11-18 лет), представить рисунок (для учащихся 7-10 лет). Тема эссе, фото или рисунка — «Моя Британия». Если Вы никогда не были в Великобритании — рисуйте, как Вы себе представляете эту страну! Название рисунка или подписи к фото необходимо сделать на английском языке. «Бенедикт-школа» будет рада каждой работе, все участники конкурса 12 марта будут приглашены на торжественный финал в Санкт-Петербургскую государственную консерваторию имени Н. А. Римского-Корсакова, где их будет ждать сладкое лакомство от кондитерской «Бизе», самой

модной кондитерской в Петербурге — аналога Patisserie Valerie в Лондоне. Фото или эссе необходимо присылать на электронную почту mybritain@mail.ru. Рисунки принимаются в офисе «Бенедикт-школы» по адресу Адмиралтейская наб., дом 4. Прием работ заканчивается 6 марта 2011 года.

Авторов лучших работ ждут интересные призы — двух- или трехнедельные каникулы в Англии, обучение английскому языку в детских группах «Бенедикт-школы» в Санкт-Петербурге, книжки и другие подарки! На вручении будут присутствовать спе-

циально приглашенные для участия в этом проекте Сэр Родрик Брейтвейт (Sir Rodric Braithwaite), посол Великобритании в России с 1988 по 1992 год, дипломат, председатель Королевской Академии Музыки, почетный доктор и профессор Бирмингэмского Университета, автор многочисленных книг о России и Фелисити Кейв (Felicity Cave), организатор празднования трехсотлетия Санкт-Петербурга с британской стороны, известная переводчица и преподаватель. Эти многоуважаемые британские персоны будут и в жюри конкурса.

Программу тематических праздников и встреч и полные правила участия в конкурсе смотрите на сайте организатора www.benedict.ru.

НЕ ИГРАТЬ ВЧЕРАШНИМ ЗВУКОМ

Концерт-открытие

Профессор Изабель Моретти (Франция)

Профессор Сумико Курата (Япония)

Раскат импровизаций

С 22 по 29 октября в Консерватории прошел юбилейный Десятый фестиваль «Международная неделя консерватории». Учрежденный в 2001 году этот форум занял видное место среди музыкальных фестивалей Петербурга. Расширяя год за годом свою географию, «Международная неделя консерватории» охватила огромный межнациональный и звуковой диапазон. За десять лет существования фестиваля в нем приняли участие около 160 высших школ музыки более чем из 25 стран.

Особенностью фестиваля с момента его возникновения стали посвящения памятным событиям, значимым для русской музыкальной истории. Десятая «Неделя», следуя традиции, прошла под эгидой Года России — Франции, в рамках которого Петербургской консерватории была отведена особая роль в укреплении русско-французских музыкальных связей.

В рамках X фестиваля были представлены исполнительские школы России, США, Японии, Франции, Италии, Германии, Польши, Венгрии, Нидерландов, Финляндии, Дании и Израиля. Богатые концертные программы звучали в Малом зале Консерватории. В Музее музыки в Шереметевском дворце играли блистательные участники трио Bamberg (Германия) и представители высших музыкальных школ Японии. Хор Государственного университета Морган (Балтимор) под управлением Эрика Конвея наполнил своды Смольного собора звуками музыки «От Бетховена до спиритуэла». В Большом зале Екатерининского дворца выступили музыканты из США, Дании и Нидерландов.

На концерте-открытии была исполнена «Фантастическая симфония» Берлиоза силами симфонического оркестра студентов консерватории под управлением ректора Сергея Стадлера. «Французский тон» фестиваля был подхвачен выступлениями как петербургских музыкантов, так и других национальных музыкальных школ, а имя Берлиоза открыло список имен французских композиторов, исполненных в программах юбилейной «Недели». О русско-французских связях и своем участии в фестивале рассказала профессор Высшей Национальной консерватории музыки и танца Парижа Изабель Моретти (арфа): «Для меня было огромным удовольствием выступать в чудесном консерваторском зале, а также встретиться

со студентами и профессорами Консерватории на моем мастер-классе. Петербургские студенты очень внимательны, а многие из них по-настоящему талантливы! Взаимодействие русской и французской культур всегда обогащает. Хочу поблагодарить организаторов фестиваля за теплый прием. Буду рада приехать в Санкт-Петербург снова!».

Всех исполнителей, вне зависимости от культурной принадлежности и репертуарных предпочтений объединял высокий уровень профессионализма. Участники Квартета Matangi (Нидерланды), одного из наиболее самобытных ансамблей, приглашенных на «Неделю», рассказали о своих впечатлениях от петербургского проекта. «На фестивале о каждом из нас очень хорошо заботились. Мы играли в прекрасных залах, где нас встречала восторженная публика. Лучшим залом нам показался Малый зал консерватории, в котором акустика была намного лучше, чем в Екатерининском дворце, который великолепен, но акустически очень сложен».

Одной из ярких страниц фестиваля в проекте «Трансатлантический диалог» стало выступление сводного хора студентов Петербургской консерватории (художественный руководитель и дирижер Валерий Успенский) и студентов Государственного университета Морган (дирижер Эрик Конвей) на сцене Малого зала консерватории.

Орган Малого зала Консерватории порадовал своим звучанием публику, посетившую традиционные «Органные академии». Интересным экспериментом, изюминкой «Недели» стал концерт «Раскат импровизаций», когда заинтригованные слушатели, а в большей степени зрители стали свидетелями синкретического действа, в которое вошла инструментальная, оркестровая, хореографическая, живописная и мультимедийная импровизация. Две художницы пи-

сали свои картины прямо на сцене, образуя причудливый контрапункт к немому кино под живое музыкальное сопровождение, состоявшее из сочинений Софии Левковской, Антона Танонова, Алексея Крашенинникова и Антона Гладких. Оригинальность замысла и удачные находки на грани смежных искусств были с энтузиазмом восприняты публикой.

Важной составляющей фестиваля по традиции стали мастер-классы профессоров высших школ музыки, в которых с огромным интересом участвовали студенты Петербургской консерватории. Сумико Курата, профессор Школы музыки Тоху Гакуэн, представившая японскую школу игры на виолончели, окончила Парижскую консерваторию по классу французского виолончелиста Поля Тортелье. В концерте «Все флаги в гости» принял участие ее талантливый ученик Даи Мията, лауреат престижного конкурса виолончелистов им. М. Ростроповича в Париже. Сумико Курата занималась со студентами на протяжении пяти часов, и в каждом случае восхищала ее способность отталкиваться от идеи естественности и простоты. «Все, что нужно, уже дано нам природой: сама поза игры на виолончели является очень естественной — голова и руки расслаблены и опущены вниз; все должно быть округлым. Когда рождается ребенок, его кулачки округлые — все находится в естественном состоянии; это очень важно, в том числе для нашей техники», — говорила Сумико Курата на своем мастер-классе. Ее мудрые слова были адресованы не только виолончелистам, но и другим исполнителям: «Не играйте вчерашним звуком. Играйте новым, ищите каждый раз новый, еще более красивый звук...».

Кира КЛЫКОВА
Мария ГАЙДУК

За десять лет в рамках «Недели консерватории» состоялось около 400 событий: 151 концерт, 124 мастер-класса, 26 открытых лекций, 6 научных конференций, 5 международных образовательных семинаров по концертному менеджменту, 4 композиторских конкурса, 8 выставок документов и материалов из фондов Научной музыкальной библиотеки консерватории и различных музеев, 3 выставки фирм-изготовителей и 7 презентаций известных мировых брендов музыкальных инструментов, выставки произведений петербургских художников, презентации книжных изданий, мировые, российские и петербургские премьеры сочинений современных композиторов. Более 4000 исполнителей сделали достоянием публики огромный пласт музыкальной культуры.

Сводный хор студентов Санкт-Петербургской консерватории и Государственного Университета Морган (США)

«В НЕМ ВЕЧНО БИЛОСЬ ТВОРЧЕСТВО ЖИВОЕ...»

ПАМЯТИ
БОРИСА ИВАНОВИЧА ТИЩЕНКО
(1939-2010)

Музыка Бориса Ивановича Тищенко стала ярким символом уходящей пост-шостаковической эпохи. Тищенко тяготел к жанрам «широкого дыхания», к созданию музыки «большого смысла, большой идеи, большой значимости». Его музыка обладает таким запасом информативности, содержит столько конструктивных и концепционных находок и решений, что их хватило бы на десяток сочинений иных авторов.

Наследие нашего современника еще предстоит изучать и осваивать, «расти» до него. Строгий Шостакович, в который раз прослушивая посвященную ему Третью симфонию признавал: «Каждый раз, когда запускаю симфонию, я беру партитуру и задаюсь благим намерением исправить ошибки, сделать некоторые редакционные поправки. Но очень скоро заслушиваюсь и забываю об этом».

Композитор поражал современников непредсказуемостью выбора. Так, увлекшись, казалось бы, далекой для себя сферой старинной музыки, он воссоздал партитуру оперы Монтеверди «Коронация Поппеи» и разучил ее с исполнителями. Ставшая первой в России постановка возрожденного опуса пришлось на 400-летний юбилей великого итальянца (1967 год). Позднее Тищенко бросил вызов традиции, окончив Неоконченную симфонию Шуберта и дописав недостаю-

щие на его взгляд три части цикла. Одной из последних работ редакторской направленности у Бориса Тищенко стала инструментовка семи песен Малера из его «Четырнадцать песен юношеских лет».

Борис Тищенко считал делом своей жизни, помимо творчества, преподавание в Петербургской консерватории, которой он отдал много лет активного труда (работал, начиная с 1965 года до последнего времени), воспитал не одно поколение композиторов.

С теплотой и отеческой мудростью Борис Иванович всегда отзывался о своих учениках, многих из которых, по его мнению, отличают настоящий талант и желание творить. В воспоминаниях учеников сохранился образ строгого, но доброжелательного педагога, который всегда их поддерживал, верил в них. Предоставим слово Тищенко-педагогу: «Я отношусь к ним не столько как к ученикам, сколько к молодым коллегам. Наши контакты строятся на полной свободе, на

возможности и даже необходимости противоречий. Мой ученик может мне возражать, и я могу оказаться в роли ученика, доказывая свою правоту. А вообще мы на слова тратим мало времени. Не люблю словоизлияний. Мы строим музыку и строим ее так, чтобы она была естественной, выразительной и индивидуально неповторимой. И если мне это удастся, то я считаю свое дело успешным».

Марина ВАСИЛЬЦОВА,
студентка V курса МФ

Бориса Ивановича Тищенко знали и любили в нашем городе. Конечно, при знакомстве с его музыкой, отмеченной мощной печатью индивидуальности и не идущей ни на какие компромиссы, случались и трения: помнится, при исполнении Валерием Старыниным Третьей фортепианной сонаты тогдашний ректор консерватории демонстративно покинул зал. Но местных музыкантов это не охладило. Наши пианисты — Илья Фридман, Александр Бендицкий, упомянутый Валерий Старынин, в последнее время — Руслан Разгуляев — не раз обращались к его сонатам, резонно расценивая их как современную музыкальную классику. Звучали у нас и вокальные циклы Тищенко: Марина Амелина пела «Грустные песни», Светлана Савенко — цветастые романсы... В памяти остался самый первый приезд Бори в наш город — он участвовал в фестивале Шостаковича вместе с другими его аспирантами: В. Успенским, Г. Окуневым, Г. Беловым, А. Мнацаканяном. И конечно, запомнился филармонический авторский концерт — кажется, первый авторский симфонический в жизни Тищенко. Совсем молодой Борис Иванович приезжал тогда со своей Первой симфонией, Фортепианным и Первым виолончельным концертами (солировали автор, виолончелист М. Гельфандбейн, дирижи-

ровал Э. Серов). Впечатление было поистине грандиозным: ощущение свежести, новизны и в то же время силы убеждения осталось навсегда.

Наша «горьковско-ленинградская» дружба, переросшая позже в «нижегородско-санкт-петербургскую» (по словам самого Бориса Ивановича), носила, разумеется, пунктирный характер, встречи и концерты были не столь частыми, как того бы хотелось. Но количество возмещалось качеством. Приезды Бори, его речи, его выступления и доклады, его показы на фортепиано новых, еще не звучавших на большой эстраде произведений запомнились надолго. Среди таких демонстраций был и запрещенный Реквием на слова А. Ахматовой: трудно даже сказать, что впечатляло тогда более всего: стихи, музыка, комментарий автора или его особый, всеобъемлющий пианистический дар — способность донести до слушателя, несмотря на условность фортепианного показа, весь масштаб композиторского замысла и все его детали.

Корни, пущенные Б. И. Тищенко в музыкальную культуру Горького-Нижнего Новгорода, ни для кого не являются секретом. Исполнение его произведений, дипломы и диссертации, посвященные его музыке, — суть реалии сегодняшнего дня. Есть

здесь и отдельные, весьма выразительные сюжеты. Например, исполнение его органичных циклов нашей органисткой Галиной Ивановой Козловой — превосходным интерпретатором Двенадцати инвенций и одной из первых исполнительницей Двенадцати органичных портретов. Борис Иванович считал Галю «своей органисткой», ценил в ней сочетание скромности, мастерства, человеческого обаяния и очень сожалел, что она не успела сыграть Портреты целиком. Галины Ивановны не стало в декабре (роковой декабрь!) 1997-го, и в книге, посвященной ее памяти, Боря оставил проникновеннейшие слова: «Совершенно невероятно, что о Гале приходится писать воспоминания, настолько не вяжется ее уход с понятиями о правде и справедливости». Теперь то же самое можно сказать и о самом Борисе Ивановиче...

Б. И. Тищенко существовал для нас как бы в двух измерениях — вблизи и на расстоянии. Во втором случае, вне прямых встреч, мы все равно следили за его премьерами, до нас доходили разные факты его творческой жизни, мы ощущали безусловность признания его таланта. Правда, не все здесь представлялось благополучным. Разве соизмерим сегодняшний филармонический репертуар со всем тем, что было создано Тищенко в симфоническом

жанре? Почему не звучит уникальная по замыслу и воплощению Четвертая симфония? Почему не восстановят «Ярославну» — подлинный шедевр, не имеющий равных в нашем хореографическом театре? Вопросы, повисающие в воздухе... Нам очень хотелось видеть и слышать Б. И. Тищенко в 2008 году на фестивале «Картинки с выставки» — международном форуме современной музыки, периодически устраиваемом в Нижнем Новгороде. На одном из вечеров петербургский пианист Николай Мажара исполнил его Фортепианный концерт, но сам Борис Иванович тогда приехать к нам уже не смог. Написанный в далекие 60-е годы, концерт, тем не менее, прозвучал свежее, остроумнее и «моложе», чем многое другое в той программе, пусть и совсем недавно сотворенное коллегами-композиторами. Молодой Тищенко вновь возник перед нами, давая вспомнить свой первый авторский филармонический в Горьком — круг в некотором роде замкнулся.

А после девятого декабря он уже предстал перед всеми в еще одном, новом измерении — безмерном пространстве Вечности. В нем и пребудет...

Тамара ЛЕВАЯ, музыковед,
Борис ГЕЦЕЛЕВ, композитор
Нижегородская консерватория

Без Бориса Ивановича жизнь стала другой. Не от кого ждать музыки, некого спросить про Шостаковича, не раздастся звонок и не услышишь его голос. Голос, от которого сразу были бешеное волнение и робость: позвонил сам Тищенко. И это всё — правда.

После смерти Бориса Ивановича стало катастрофически ясно, какое это счастье — жить в ожидании новой музыки. Можно было хотеть ещё большего, можно было переслушивать и сливаться с его музыкой, можно было внутренне говорить — нет, зачем это, а почему не другое, можно было таить надежду выпросить запись с концерта, всё это было. А теперь нет. Борис Иванович жил в традиции великого европейского симфонизма, просто

жил. Для него было естественным высказывание — музыкально-человеческое, в форме симфонии, сонаты, квартета, концерта, это был строй сознания, передававший происходившее в нем. И как ни странно — с нами. Теперь понимаешь, как сложно говорить в тех формах, что создала, культивировала и развивала европейская музыкальная традиция, в самом подлинном смысле культура. Да, это придуманные и созданные формы, но это и есть главное европейское достижение — культуры. Кто еще сможет продолжить Неоконченную Шуберта, кто еще сможет написать симфонию, которую внутренне помещаешь в ряд именно с Симфониями, сформованными признаниями-высказываниями, которые слушаешь и слышишь. Вспоминаются кон-

церты, принесшие именно такие открытия и счастье — премьера Седьмой, Восьмой, скрипично-фортепианного концерта и этот ряд длится и длится. Эта музыка стала частью моей личной жизни как слушателя и в этом счастье. Флейтово-фортепианный концерт всегда здесь, и арфовый, и «Наедине с тобой, брат». А так хотелось услышать живьем Четвертую, «Робусту», есть чего ждать, но это из ожидаемых открытий, а неожиданных уже не будет. И кто еще возьмется за эту самую трудную задачу — говорить в музыкальной форме и всегда говорить так, что не было сомнений — эта Музыка рождалась рядом с тобой. И кому еще будет послан Дар.

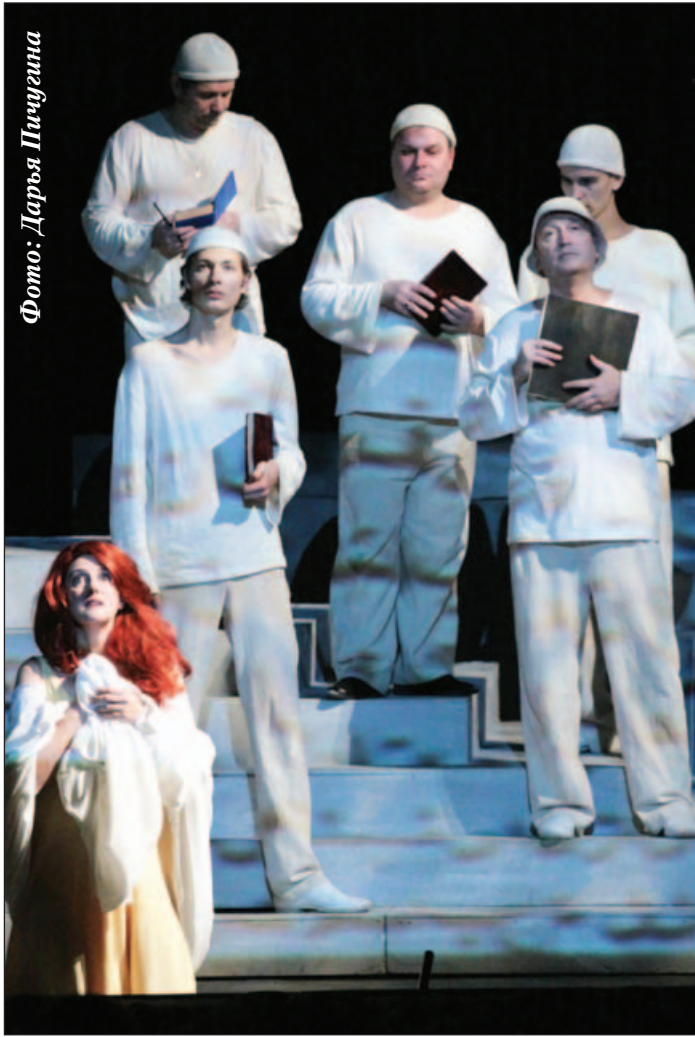
Борис Иванович мог честно и искренне рассказать про Шостаковича, мог совершен-

ное неожиданно ответить на вопросы про его музыку, мог даже без всякого дополнительного чувства, спокойно прокомментировать — да, этим Дм. Дм. зарабатывал на жизнь. Был пиетет, единение и была длящаяся жизнь. Остановилась. Был и остался мой пиетет как слушателя перед Композитором. Очень жаль — этого не спросил, тогда не зашел, тогда не поговорил. При этом Борис Иванович был деликатен и приветлив, как мало кто, он говорил наравне. Но я-то понимал, что мне повезло, а потому отчасти и понятно, почему я боялся спросить, поговорить, зайти. Была дистанция и осталась, стала только безвозвратно больше. Нет Композитора.

Алексей ЛЕПОРК,
искусствовед

«ХРИСТОС» А.РУБИНШТЕЙНА: ИЗ ДРЕЗДЕНА ЧЕРЕЗ ПЕРМЬ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Фото: Дарья Пичугина

Год назад фрагменты оперы «Христос» Рубинштейна в концертном исполнении прозвучали в Консерватории под управлением Сергея Стадлера. Ее сценическую версию в Михайловском театре представил в ноябре минувшего года Пермский театр оперы и балета имени Чайковского в постановке Георгия Исаакяна.

Последние годы своей жизни Антон Рубинштейн провел в Дрездене, почти не выступая и не сочиняя музыки. Но ради завершения начатой ранее духовной оперы «Христос» он сделал исключение. Впрочем, на долгие годы ей суждено было остаться неприступной для исполнителей. При жизни Рубинштейна опера не увидела сцены, а ее партитура длительное время считалась утерянной. Обнаружена она была случайно, в библиотечной пыли.

Пермский театр не обошелся без купюр. Напомним, что опера состоит из семи картин, представляющих евангельские эпизоды из жизни Христа — от Рождества до Распятия. При этом ее драматургия недвусмысленно напомнила об оратории европейской традиции, связанной с именами Мендельсона, Шумана и Листа. В ней важны не внешнее действие, а внутреннее психологическое состояние героев, что требует и от исполнителей, и от слушателей концентрации внимания. Статичность развития усиливают медленные темпы, в которых звучит почти вся опера.

Либретто в предложенной постановке напоминало не столько о Евангелии, сколько о библейской легенде про Вавилонское столпотворение. Оригинальный немецкий текст оперы попеременно звучал на нескольких языках — русском, немецком, латыни, армянском и иврите. По мнению создателей спектакля, тем самым воплощалась мысль об универсализме христианской религии. С подобной трактовкой идеи экуменизма было сложно согласиться, даже несмотря на то, что музыка Рубинштейна в этой опере вызывает к диалогу культур. В ней есть более или менее ясно различимые ссылки на протестантскую, католическую, русскую православную музыкальные традиции, органи-

но уживающиеся в художественном пространстве творения Рубинштейна.

Сценографическое решение также стало воплощением этой идеи «поликультурного диалога». Крайне сдержанный характер внешнего действия постановщики попытались оживить всеми возможными способами. В ряде картин вертепный и кукольный театры использовались одновременно с видеонсталляциями. Особенно колоритной оказалась сцена искушения Христа, где Дьявол выглядел транс-дивой в парике, юбке и с микрофоном. Свита Дьявола была решена в духе ток-шоу — целая толпа молодых людей в пестрых нарядах, с сатанинскими шестерками на табличках. Образы поп-культуры отождествлялись с демоническим началом еще в XX веке, достаточно вспомнить кантату «История доктора Иоганна Фауста» Шнитке.

Опера выглядела «поэмой без героя», поскольку главное действующее лицо — Христос на сцене не появился: свою партию он пропел из Царской ложи. Кроме того, эта партия была поделена между двумя тенорами из-за опасений, что один солист с ней попросту не справится. Другие действующие лица оперы обращались ко Христу сквозь пространство зрительного зала, напоминая о том, что истинная сущность Бога неподвластна земному миру. Стало очевидно, что вечные смыслы сакрального евангельского сюжета открыты для различных трактовок, вплоть до полного переосмысления. Опере Рубинштейна было суждено открыть слушателям тот итог, к которому автор шел значительную часть своей жизни, мечтая о создании театра духовной оперы, стремясь проникнуть в сокровенный мир библейских сюжетов...

Андрей ДЕНИСОВ

ЧЕТВЕРКА НОВОНЕВЦЕВ

25 декабря 2010 года в Доме-музее Державина прошел концерт композиторского объединения «Новая невиская школа». Созданная в 2006 году, эта группа друзей-композиторов решила, наконец, выступить с декларацией своих творческих идей, продолжив традиции «Пятерки русских», «Шестерки француз»», «Тройки нововенцев».

В группу вошли трое студентов консерватории (Вениамин Смотров, Мирослав Дробот, Степан Сумин) и один из Академии имени Вагановой (Владимир Тихоненко), все они — выпускники училища им. Мусоргского по классу композиции Владимира Николаевича Соколова. Несмотря на то, что их учитель — один из старейших петербургских авангардистов и на название, в котором обыгрывается знаменитая нововенская «тройка», «четверка» петербуржцев ориентирована на совершенно иные эстетические идеалы. Их кредо гласит, что при всем почтении к Шенбергу, преклонении перед Бергом и Веберном, они ратуют за возвращение тональной музыки, продолжающей романтические традиции и развивающей идеи музыки русского Серебряного века. Хотя главным для них является вопрос не о тональной или атональной музыке, а о том, что композитор, выполняя важную миссию, сознательно или неосознанно является «инструментом, на котором играет Вселенная», по выражению Малера. Все четверо — прекрасные пианисты, поэтому в программе концерта были представлены разные жанры фортепианной музыки: от цикла «Экспромтов и музыкальных моментов» Смотров и «Прелюдий» Тихоненко — до «Вариаций» Дробота, «Сюиты-пассакалии» Сумина и Сонаты Смотров. Строгая форма и жанровые ограничения не помешали каждому ярко проявить себя. Всех четверых объединяло и стремление к восстановлению утраченной связи композитора-исполнителя-слушателя.

Тонкая лирика присуща Владимиру Тихоненко. Он и выглядит, как типичный петербургский композитор позапрошлого века, за-

нимающийся музыкой на досуге, что в данном случае не отрицательное качество, а достоинство молодого музыканта, которого отличает профессионализм и требовательность к себе.

Бурный экспрессионизм свойственен Степану Сумину, он ярок и убедителен и как композитор, соединяющий неистовство раннего Стравинского и философичность позднего Малера, и как виртуоз-пианист, палитра красок которого безгранична.

Джазовая элегантность Мирослава Дробота заставила вспомнить о Гершвине, Николае Капустине и Рахманинове, а полифоническая многоплановость фактуры и изощренность ритмики — о Николае Метнере и Сергее Прокофьеве.

Наиболее разнообразной показалась музыка Вениамина Смотров, лидера группы. Отличительные особенности его стиля — неоромантические масштабные концепции, сложное понимание программности, а также тонкое чувство гармонии, сложная полиплановая фактура, виртуозность пианистического письма. Но главное — ощущение трагической полноты жизни и максималистская смелость выражения чувств, удивительное сочетание пламенного подсознания и строгой дисциплины мысли. В молодом композиторе такая зрелость удивительна, как удивительна и та дань уважения, которую он отдает Скрябину, Прокофьеву, Свиридову, Гаврилину.

Слушателей, к слову сказать, было мало, но и знаменитые шенберговские концерты «Общества любителей современной музыки» зачастую проходили почти в пустых залах. Но начало положено, а по Набокову «однажды услышанное не вернется в хаос никогда».

Ольга СКОРБЯЩЕНСКАЯ

ПОСОЛ С ПЛАНЕТЫ-СОПЕРНИЦЫ

29 декабря 2010 года в камерном зале консерватории состоялась лекция-концерт московского композитора и пианиста Ивана Соколова.

Несмотря на всеобщие призывы к единению в культурном пространстве страны ее двух столиц, Москва и Петербург до сих пор остаются часто, словно городами, находящимися на разных планетах. Там, в Москве (читай, на Сириусе), не представляют, что происходит здесь (на Марсе). Тем отдаленнее появление редких смельчаков, преодолевающих 650 километров — и многовековое размежевание двух вечно соперничающих, словно в эпоху феодальной раздробленности, культурных вотчин.

Отрадно, что в минувшем году свое 50-летие Иван Глебович — личность знаменитая в московских музыкальных кругах. Он постоянно выступает в самых престижных залах Москвы, в Рахманиновском зале консерватории, в музее Скрябина, и каждый его клавирабенд — «событие, которое остается навсегда». Иван Соколов — не просто пианист и композитор, а философ и поэт, актер и режиссер своеобразных действий, в которые превращается каждое его выступление, будь то скрябинские вечера, исполнение «Лабиринтов» Николая Сидельникова или лекция-концерт «Мысли о Рахманинове». В Петербурге он выступил впервые за последние пять лет (последний раз играл здесь весной 2006 года в музее Ахматовой), рассказав о своем композиторском творчестве, сопровождая это показом собственных сочинений.

Иван Соколов родился в 1960 году в Москве. В детстве занимался фортепиано у Н. Станишевского и Л. Наумова, брал уроки композиции у Г. Дмитриева. Поступив в Московскую консерваторию на композиторский факультет к Н. Сидельникову, он продолжил заниматься у Наумова. Исполнительские ин-

тересы Соколова сосредотачивались вокруг современной музыки (Уствольская, Сильвестров, Фелдман), а также классического фортепианного репертуара (Бах, Скрябин, Шостакович, Рахманинов). Как композитор, Иван Соколов сочетает в себе, казалось бы, несовместимое: романтизм московской школы, унаследованный от Чайковского, Аренинского, Ан. Александрова, от его учителя Николая Сидельникова, яркого лирика с джазовым акцентом. Таковы его сонаты для скрипки и виолончели, фортепианное трио, написанные в традициях «новой простоты».

С другой стороны, он оставался не чужд авангардным устремлениям, экспериментируя с криптофонией (сочинение музыки на основе перевода словесного текста в нотный), а также развивал традиции Кейджа едва ли не ярче всех среди наших соотечественников. В свое время много шума наделали его пьесы, во время исполнения которых он лежал под роялем, на рояле, рисовал на листке ватмана тучки и солнышко, снабжая все это остроумными комментариями. Но его «авангард» не провокативный и не отягощающий, а живой и веселый, где ирония не становится горькой, а переходит в добродушный юмор, возбуждая всеобщее веселье. Таков фортепианный концерт, пьесы «Волокос», «О Кейдже» для фортепиано и другие сочинения. И все же непритязательное веселье, сопровождающее выступления Ивана Соколова, не может нас разуверить в главном: музыка для него — серьезное занятие. Может быть, самое важное и серьезное, чем занимается на своей планете он, и на нашей — мы.

Ольга СКОРБЯЩЕНСКАЯ
Вениамин СМЕТРОВ